

МАРИНА СЕРОВА

ОСТРОВ МЕЧТЫ

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Остров мечты

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Остров мечты / М. С. Серова — «Научная книга»,
2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова не может отказать в помощи бывшей однокласснице Натке, любимый муж которой пропал, поехав к друзьям на рыбалку. Казалось бы, успешный бизнесмен – лакомый кусочек для похитителей и шантажистов. И конечно же, знаменитая сыщица сначала разрабатывает именно такие версии. Но все они рассыпаются одна за другой, ни на йоту не подведя к тайне исчезновения мужчины. В конце концов Татьяна понимает, что не остается ничего другого, кроме как начать расследование с самого начала...

Марина Серова

Остров мечты

Я внимательно рассматривала себя в зеркало, и то, что там видела, мне нравилось. Высокая блондинка, только что из ванной. Капли воды на загорелом теле смотрятся сексуально. Хотя при моем образе жизни особенно-то не позагораешь, но мне не нужно жариться на солнце сутками – достаточно три-четыре дня по паре часов провести на песчаном пляже великой реки, на берегах которой расположен наш Тарасов, – и ровный загар обеспечен. Только подкрепляй его время от времени, что при моей профессии достаточно проблематично, но при желании возможно.

Итак, что там дальше, кроме капель и загара? Отсутствие лишней жировой прослойки не свидетельство увлечения модными диетами, а дар матушки-природы. Всю жизнь ем макароны с хлебом (да и пельмени тоже) и не устаю радоваться завистливым взглядам пышнотелых дам. Вообще-то жирком мне не суждено обрасти – слишком много энергии приходится тратить, чтобы заработать деньги, даже несмотря на неправильное питание.

Итак, длинные ноги и аристократические кисти рук – еще один плюс среди прочих достоинств Татьяны Ивановой, вот уже четвертый день расслабляющейся после сумасшедшего месяца, когда расследования следовали друг за другом, поездки, разборки и «мозговые штурмы» плавно перетекали из одного в другое.

Стоп – никаких мыслей о делах! Моей бедной головушке нужно отдохнуть, глазам – полюбоваться на что-нибудь красивое, вот как моя фигура, например. Но если честно, то за три прошедших дня я отоспалась, отмокла в ванне и даже набродилась в городском парке. Благо погода стоит замечательная: бабье лето удалось. Солнце не просто греет, а ласкает, под ногами шуршат первые опавшие листья. Деревья радуют осенними красками, когда еще и зелень есть, но постепенно яркий желтый и оранжевый ее оттесняют, словно природа устраивает нам праздник цвета, перед тем как окрасить все в серость поздней осени и городской зимы. Да, в парк сегодня тоже можно сходить, но я люблю делать это после обеда. А до него еще нужно прожить часа четыре. Эх, если бы эти четыре часа были у меня три недели тому назад, когда я опаздывала на встречу с заказчиком и не смогла предупредить его о запланированном покушении... Опять о работе? Не смей! Отдыхаю, отдыхаю, отдыхаю...

Почитать детектив? Смешно. Ни один писатель не придумает таких сюжетов, которые подбрасывает жизнь.

Послушать музыку? Вчера купила новый альбом Трофима. Прослушала и захотела сделать свой список из наиболее понравившихся песен. Но сколько ни скидывала файлы во вновь созданную папку, ничего не получалось: почему-то Винамп в моем компе читать ее отказывался. Я, конечно, умею вставлять диски в ноутбук и давить на клавиши, но являюсь лишь продвинутым пользователем, при малейшей заморочке мне становится скучно и я звоню своему знакомому хакеру. Костик всегда приходит мне на помощь в поиске нужной информации, чинит компьютер и борется с вирусами в нем. Но как-то неудобно беспокоить его по таким пустякам, как не открывающаяся папка?! Он совсем перестанет меня уважать за этакую компьютерную безграмотность. А схожу-ка к тому парнишке, что продал мне Трофима. Благо магазинчик совсем рядом, только через улицу перейти, я там заметила навороченный компьютер. Вот сейчас подсохну и отправлюсь осваивать IT-технологии. Не откажет же молодой человек приятной блондинке в такой малости, как компьютерный ликбез.

Сказано – сделано. Быстренько высушив волосы, натянула любимый свитер и джинсы, влезла в удобные кроссовки и с ноутбуком под мышкой отправилась мучить продавца дисков.

* * *

Молодой человек скучал в одиночестве в полуподвальчике, под завязку забитом достижениями медиаиндустрии, и мне сначала обрадовался. Потом, когда я достала его диск, огорчился. И вновь обрадовался, выяснив, что у меня нет к нему никаких претензий, а лишь просьба объяснить блондинке, какая она тупая. Все оказалось до обидного просто. Как всегда, я поторопилась, поленилась и всего-навсего не подождала, пока комп прочитает диск. Ну, плюс еще не заметила какую-то штучку, на которую обязательно нужно кликнуть. Повторив пару раз порядок действий и купив у Виктора (между делом мы с юношей познакомились) диск Земфиры, который у меня когда-то был, но со временем стерся, я стала благодарно прощаться. В этот момент дверь широко распахнулась и в лавку влетела дама, кого-то мне сильно напоминавшая и заговорившая с такими знакомыми интонациями, что я невольно притормозила и прислушалась.

– Виктор, – тоном, не терпящим возражений, заявила вновь прибывшая, – ты едешь со мной в Воленск! Мне нужен мужчина!

Ну, конечно, это Натка Земскова, моя одноклассница, с которой мы не виделись бог знает сколько лет. Да, наверное, со школы и не виделись. До меня только рассказы о ее свершениях доходили. Напоминали они анекдоты и рассказывались при встрече одноклассников.

Еще в школе она поражала нетрадиционностью поступков. Единственная отличница в первом классе, получив единственную за время учебы двойку, ушла из дома («Как я маме в глаза посмотрю!»), и ее искали с милицией. В пятом при весе в 80 килограммов и росте 170 сантиметров занималась балетом и спортивной гимнастикой – при этом на равных смотрелась со старшеклассницами. Раньше всех нас начала курить и общаться с мальчиками и такое рассказывала нам, неопытным... Щедро одаренная талантами, она умела ими пользоваться, была той центральной фигурой, вокруг которой крутилась классная жизнь. Если удрать с химии всем классом в кино – то это идея Натки. Если КВН, то она в капитанах. Если соревнование по баскетболу, то она нападающий. И эти «если» можно перечислять и перечислять...

К выпускному классу мы подтянулись в росте к Земсковой. Она по-прежнему на физкультуре стояла первой, но уже не была на полторы головы выше всех. Хотя сейчас, по зрелом размышлении, должна признать, что тогда по своему развитию она по-прежнему была выше нас на те же полторы головы. Нам нужно было закончить университеты, чтобы дорасти до ее умения жить.

Мы все поступили в вузы возле дома, благо наш Тарасов не зря называют студенческим городом, а Натка рванула в Москву. С первой попытки московский мединститут ей не покорился. Мы недоумевали – зачем в столицу, если Тарасовский медицинский считается очень приличным вузом? И здесь она выделилась! У нас был сильный класс. И школа была не элитной, но приличной, да еще по традиции в первый «А» проводили «отбор». Уж как учителя определяли будущих «сильных» учеников, им одним известно, во многом, наверное, играла профессия родителей. Но «А» классы всегда отличались хорошей успеваемостью. И если Натка была у нас единственной отличницей, то это не потому, что не было способных ребят. Просто в наше время пятерки «за так» не ставили. Даже наши троечники поступили в вузы, лишь двое-трое – в техникумы, да и то потом заочно получили высшее образование. Натка одна в год после выпуска осталась без студенческого билета.

Мы все уже писали конспекты лекций, осваивали неизвестные понятия студенческой жизни, такие, как коллоквиум, учились сдавать зачеты и получать «автоматы», а Натка работала техничкой в больнице, зарабатывая стаж. На традиционный февральский сбор выпускников в школу она не пришла, как объяснила, у нее было суточное дежурство. А может быть, она решила пока не светиться на фоне студентов.

Зато на следующий год она могла бы утереть всем нам нос, предъявив студенческий билет Первого Московского медицинского института. Но и на эту встречу она не пришла. А дальше и мы тоже стали пропускать ежегодные «стрелки» – подросли новые первокурсники, учителя уделяли им больше внимания, да и мы постепенно отходили от школы, от одноклассников.

И все-таки, встречаясь с кем-то из школьных друзей, интересовались жизнью других. Про Натку узнавали, что, закончив институт, она вернулась в Тарасов. Несколько лет работала в клинике. Ее мама, в отличие от большинства россиян, смогла выгодно пристроить ваучеры, вложив их в какие-то газонефтяные предприятия. Благо этих радужных бумажек набралось немало – свои «Волги» (люди постарше помнят, что Чубайс – организатор ваучерной авантюры – обещал, что каждый из этих фантиков будет стоить на уровне «основного средства передвижения» советских чиновников) вручили главе семейства Земсковых не только бабушки и дедушки, но и сельские родственники второго и третьего колена. Большинство из них не пережило превратностей перестройки, поэтому на сложенные в папочку документы, свидетельствовавшие о том, на акции каких предприятий обменивались ваучеры, никто не претендовал. И вдруг оказалось, что акции эти котируются довольно высоко и за них можно получить кучу денег. Продав своевременно акции и оставшуюся по наследству от бабушки трехкомнатную квартиру на Набережной, Натка открыла частную клинику красоты, в которой стали делать первые в городе пластические операции, создавать силиконовые бюсты и другие части женских тел.

Она, что называется, попала в струю. Помогло и то, что ее однокурсники развивали параллельный бизнес в Москве. Делились (не задаром, разумеется!) технологиями и материалами. И дело пошло. Сама жила в коммуналке, а все заработанные деньги вкладывала в развитие бизнеса. Открыла сеть аптек, фитнес-клубов. Ходили слухи, что не все деньги были ее – имелся серьезный покровитель. Но, зная Натку, думаю, ей помогли только с начальным капиталом, а в остальном сто процентов успеха – ее и только ее заслуга.

Вот тут-то она и приехала на встречу одноклассников! Это была юбилейная дата. И собирались наши не в феврале в рамках школьного мероприятия, а летом, только своим классом. Мне хотелось бы побывать на этой встрече, но очень сложное дело увело меня за пределы Тарасова, и вместо ресторана я сидела в тот вечер в засаде. Зато потом наслушалась о том, какая у Натки машина, как шло ей французское платье от Кардена, какая у нее квартира в двух уровнях в элитной новостройке – после ресторана она повезла всех к себе домой. Но что потрясло наших девчат больше всего – это тот, кто встретил их в этой квартире!

Алик Мыльников был старше нас на четыре года. Считаюсь самым красивым мальчиком в школе, конечно же, он не обращал внимания на малышню, мельтешившую под ногами. Но Натку не заметить было нельзя. Скорее всего, именно о его ласках рассказывала она нам в свое время. После окончания школы Алик из нашего поля зрения выпал. Это потом девчата узнали, что он поступил в мединститут, бросил его после первого же курса, закончил военное училище, стал ракетчиком. Женился, но, когда за пьянку был уволен из армии, распался и брак. Работал путеукладчиком, пил по-черному. В это время и нашла его Натка и все силы положила на то, чтобы вытащить свою первую любовь из той бездны, куда он сам себя отправил. Даже в этом Натка была нетипичной. Шикарная богатая дама, не страдавшая от невнимания мужчин, вцепилась мертвой хваткой в алкоголика, брошенного женой.

В каких только клиниках она его не лечила: и по методу Довженко, и в Киргизию возила к Назаралиеву, и самые модные московские наркологи получали сумасшедшие гонорары и обещали обязательно помочь. Новейшие препараты, можно сказать, испытывались на Алике. И как самый крайний случай, даже магию попробовала – это Натка-то, не верившая ни в бога, ни в черта! А помог Алику обыкновенный священник. Отец Никодим устроил в отдаленном сельском приходе приют для таких пропащих мужиков. Лечил он их травами и молитвами, постом и трудом. Вылечивались не все, но большинство обретали смысл жизни. Так Наткин

суженый вернулся в мир приличных людей. Она помогла ему открыть фирму, которая занималась охранными сигнализациями. Пригодились навыки ракетчика, бывшего на «ты» с электроникой. Вот уже несколько лет Алик не брал в рот ни капли спиртного.

Когда развеселившиеся одноклассники ближе к ночи заявили вместе с гостеприимной хозяйкой, Алик встретил их спокойно, угощал марочными винами и коньяком, изысканными закусками, но сам не пил. Девчонки потом рассказывали, что у бывшего первого парня школы по-прежнему потрясающая фигура, слегка сухопарая. А вот на лице остались следы бурно прожитых лет. У него была кожа хронического алкоголика, крупные поры походили на микроязвы, это портило красивые черты лица, от взгляда на которые дрожало когда-то не одно девичье сердечко. Но в целом он произвел на девчат очень хорошее впечатление. И Светлана, по праву лучшей Наткиной подруги, поинтересовалась, не планируется ли прибавление семейства. Хозяева переглянулись, улыбнулись и ничего не ответили. Поэтому девчата сделали вывод, что все может быть. И долго потом обсуждали перспективы, ведь Натка скоро старородящей станет, если в ближайшее время не озаботится сохранением генофонда.

* * *

Обо всем этом я вспомнила, глядя на эффектную брюнетку, которая могла бы быть ходячей рекламой собственной фирмы, если бы ее фигура была не подарком матушки-природы и отличной наследственностью, а произведением специалистов клиники красоты «Сделай себя сама» (даже в названии фирмы Натка соригинальничала). В пору нашей юности мода на высоких худышек набирала обороты. Ростом Наталью бог не обидел, а вот худобы не дал. Так что в модели Натка не годилась, но фигура до сих пор впечатляла. И когда эти девчонки килограммов прекрасного женского тела, пропорционально расположенные на 180 сантиметрах роста, куда-то неслись, они сметали все на своем пути. Вот и мне пришлось посторониться и пропустить Земскову к прилавку – все-таки у нас разные весовые категории.

– Закрывай свою лавочку, поехали! Алик пропал. – В словах Натки было столько неподдельного беспокойства, что мы с Виктором в один голос воскликнули: «Как пропал? Когда?»

Видно, мое восклицание тоже было настолько эмоциональным, что на меня наконец-то обратили внимание. Земскова смерила удивленным взглядом с ног до головы не замеченную до сих пор покупательницу дисков. Потом в ее близоруко прищуренных глазах сверкнуло узнавание.

– Татьяна? – Великолепные мозги мгновенно среагировали на имеющуюся в них информацию (по-видимому, она тоже была в курсе моей судьбы и карьеры). – Постой, ты же частный сыщик? Почему я раньше о тебе не вспомнила? Какие у тебя гонорары?

– Двести долларов в день, – машинально ответила я.

– Плачу триста, поехали! – Командные нотки в голосе завораживали, и я уже была готова взять под козырек и отправиться за тридевять земель, но все-таки вовремя тормознула и попробовала овладеть ситуацией:

– Не спеши, сначала объясни, в чем дело. Я живу рядом, пойдем ко мне, ты все подробно расскажешь, и мы решим, что делать.

Но не тут-то было. То ли бизнес-леди не привыкла к возражениям, то ли она уже совсем себя не контролировала – Земскову буквально затрясло, и она заорала:

– Я сказала, поехали, вдруг его сейчас убивают!

Еще вчера, заметив на столе возле компьютера бутылку воды, я удивилась, что молодой человек поколения пепси пьет не этот вредный напиток, а простую минералку.

Сегодня эта бутылка пригодилась. Я аккуратно вылила на голову Натки все, что Виктор не допил. И хотя для этого мне пришлось встать на цыпочки и вода была совсем не холодной, а комнатной температуры, горячую голову она остудила.

Одноклассница потрясла головой, разбрызгивая влагу по сторонам – нам с Виктором тоже слегка досталось, – и расплакалась. Вот это было настоящим потрясением и для меня, и, чувствовалось, для Виктора. Насколько я в курсе, еще никто не видел Земскову плачущей.

Как бы ни было сложно, Натка стискивала зубы и перла напрямую: на «танки», на «баррикады», и брала если не умом, то массой.

Виктор быстро подвинул стул, усадил рыдающую женщину, достал откуда-то еще одну бутылку воды, подал стакан Натке и заботливо придерживал его, пока та пила.

– Понимаешь, мы, конечно, можем сорваться и куда-то поехать, – попробовала я объяснить свою позицию. – Но, может быть, сначала мы проанализируем ситуацию, попытаемся получить новую информацию, а потом уж начнем действовать?

По-видимому, предпринятые мною радикальные меры возымели свое действие. Да и поддержка Виктора помогла. Натка вытерла ладонью слезы (какая у нее качественная тушь – не подействовала ни минералка, ни соленые выделения из глаз!) и с вернувшейся решительностью скомандовала молодому человеку:

– Да закрывай ты свою лавочку!

А потом мне:

– Хорошо, идем к тебе.

Не обращая внимания на сетования продавца дисков на то, что надо бы во избежание осложнений с налоговой сначала закрыть кассу, Земскова направилась к выходу, бросив мне:

– Объясни, куда ему идти.

Немного не понимая, зачем нам нужен Виктор, я все-таки назвала свой адрес молодому человеку. Натка была уже на улице.

* * *

Перейдя дорогу, мы быстрым шагом поднялись ко мне на этаж. Пока Земскова ликвидировала в ванной последствия эмоционального взрыва, я успела сварить кофе и нарезать бутерброды. Тут подоспел Виктор, который принялся объяснять мне, что Натка его старшая сестра. Он поздний ребенок и, когда мы заканчивали школу, был еще совсем маленьким, но меня он помнил и теперь узнал. Я тоже припомнила шустрого малыша, вечно вертевшегося под ногами, когда мы собирались у Натки на какую-нибудь репетицию или выпуск стенгазеты. Надо же, а сейчас он почти взрослый...

Тогда, наверное, мы уже старые, подумалось мне. Но эту неприятную мысль я постаралась отогнать, убедив себя, что женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Вышедшая из ванной Натка привела в порядок лицо, но лихорадочный блеск глаз выдавал напряжение, в котором она пребывала.

Усадив гостей за стол, я подала горячие бутерброды с сыром и кофе, в который плеснула нам с Наткой по паре ложек коньяка. Без кофе я не могу жить (причем стараюсь пить только натуральный). А в сложных случаях применяю и ложку-другую стимулятора из солнечного виноградного напитка. Посчитав наш случай именно сложным, я раскупорила новую бутылку из НЗ. Натка возражать не стала.

Божественный запах кофе под воздействием «виноградных капель» стал еще благороднее.

Сделав первый глоток из своей любимой чашки, я дала понять собеседнице, что внимательно ее слушаю.

– Паша Логонов давно звал Алика на рыбалку, – начала та свой рассказ. – Ты помнишь Пашу? Он тоже учился в нашей школе и жил в одном дворе с Мыльниковым. Он на пару лет младше Алика, но это не мешало им дружить. Тем более что оба увлекались электроникой. Только Паша сразу связал свою судьбу с входящей в моду наукой и поступил на физфак

университета, где и начал осваивать выбранную профессию. Закончив вуз уже женатым человеком, он поехал на родину жены, где их ждала квартира, которую завещала Юле, Пашиной жене, ее бездетная рано умершая тетка. Как и во все времена, вопрос «где жить» для молодых гораздо актуальнее вопроса «с кем жить». Вот и променял Паша «столичный» Тарасов на патриархальный Воленск.

Работа нашлась на военном заводе, который со временем начал потихоньку загибаться. А тут тесть подсуетился, взял в аренду пару прудов и начал выращивать карпов. Зятю пришлось переквалифицироваться из электронщика в рыбоводы. Но чего не сделаешь ради финансового благополучия любимой семьи. Электроника осталась в качестве хобби. А когда дело наладилось, количество прудов достигло пяти и появилась возможность нанять работников, Павел вернулся к любимому делу, основав в Воленске фирму по установке охранного оборудования. Так вновь пересеклись пути Павла и Алика, ведь они закупали одинаковое оборудование для своих фирм. Встретились на одной из баз, вспомнили молодость, решили дружить домами.

Чаще всего, женившись, друзья юности перестают общаться – почему-то их жены не воспринимают друг дружку. Но с Юлькой Логоновой невозможно было не дружить. В противовес Натке, взрывной, вечно куда-то спешащей и стремящейся как можно больше сделать, реализовать еще один проект, открыть еще одну аптеку или фитнес-клуб, заработать еще один миллион, Юля посвятила свою жизнь семье. Ради любимого мужа и деток, которых было уже трое, могла часами стоять у плиты, парить, жарить, создавать уют в многокомнатном доме. Поработав после университета учителем физики в школе, молодая женщина вдоволь насмотрелась на своих учеников – слишком самостоятельных, заброшенных вечно занятыми на работе мамами. И как только финансовое положение семьи позволило, оставила работу и посвятила себя детям и мужу. Павел, оценив жертву жены (ведь университет она закончила, в отличие от него, с красным дипломом), старался облегчить ведение домашнего хозяйства приобретением бытовых приборов. Мало сказать, что Юлина кухня была полностью автоматизирована. Все новинки бытовой техники немедленно преподносились любимой жене. Откровенно говоря, приобретая эти чудеса конструкторской мысли, Павел руководствовался и личной заинтересованностью. Ему самому было любопытно, как работает та или иная машинка. Поэтому при поломках – такое все же случалось даже с механизмами производителей известных брендов – Павел никогда не пользовался услугами гарантийных мастерских, а с удовольствием разбирал изделие, докапываясь до причины неполадки. В процессе сборки на рабочем столе оставалось немало невостребованных деталей. На попытки жены убедить его в том, что руководствовались же конструкторы какими-то принципами, помещая эти детали в прибор, Павел лишь отмахивался.

От имени благодарной половины человечества (лучшей) я бы поставила памятник изобретателю современных машин, позволяющих выстирать белье, рук не замочив.

Но не менее достойны памятника мужья, обеспечивающие своих суженых посудомоечными машинами. Вот это любовь! Нужно ли говорить о том, что у Юли на кухне была первая из появившихся в Воленске посудомоечных машин. Не менее органично смотрелся в этом «кабинете хозяйки» и современный навороченный компьютер, подключенный к Интернету. Юля была помешана на Всемирной сети. Она ухитрялась состоять в переписке с кучей своих однокурсников, разбросанных по миру, со временем стала модератором одного из форумов социальных сетей и даже участвовала в разработке офисных игровых программ.

* * *

Натка и Алик любили бывать у них в гостях по выходным. Это называлось «выезд на природу», ведь дачи у них не было, а для джипа пара сотен километров, разделявших их города, не расстояние. И сами с удовольствием принимали дружную семейку, не пропускаю-

щую концерты модных эстрадных исполнителей, или привозивших детей на новую цирковую программу или премьеру ТЮЗа, а то и кукольного театра.

Вот только на рыбалку с ночевкой Алик ни разу не выбрался к Павлу, хотя тот постоянно его приглашал. И вот решился, оставив фирму на заместителя, в среду отправился к другу. В субботу в Воленск должна была подъехать и Натка. Выехав из Тарасова сразу после обеда, к пяти часам Алик уже подъезжал к дому Логоновых. И тут выяснилось, что, кроме него, в рыбалке будут участвовать еще трое московских друзей Павла, только что приехавшие из столицы. Они, как и Алик, долго собирались насладиться прелестями жизни на природе и вот наконец-то выбрались.

Ну что ж, хотя рыбалка – дело индивидуальное, хорошая компания душу радует. Затарившись палаткой, спальниками и Юлькиными пирогами, совсем уже собрались в дорогу, как вспомнили, что осень хотя и только-только начинается, ночи уже холодные, а водки запасено всего две бутылки. Поскольку собирались на два дня, этого показалось мало: учитывая непьющего Алика, даже бутылки на человека не получалось. Москвичи решили было заскочить в ближайший универсам, но их «Лексус» попытке этой воспротивился и не завелся. Павел с удовольствием принялся разбираться в причинах каприза машины, а москвичи давали ему непрофессиональные советы. Вот так и произошло, что за «горючим» в универсам на своем джипе отправился Мыльников.

С машиной провозились довольно долго. Паша, конечно, технический гений, но с «Лексусом» дела до сих пор не имел, причину неполадки искал чисто теоретически, а теория, как известно, не всегда совпадает с практикой. Пока надеялись, что поломка несерьезная и причина ее вот-вот будет найдена, пока сообразили, что нечего заикливаться на «Лексусе» – машин, что ли, мало! – пока оттащили капризную иномарку к знакомому механику, стемнело. И только когда, оставив машину в ремонтной мастерской, вернулись к Логоновым, всполошились: а где Алик-то?

Первой мыслью было – тоже «сломался». Стали названивать пропавшему. Но его сотовый не отвечал. Стали вспоминать, куда он собирался ехать за покупками. В ближайшем окружении было три универсама: «Семейный дом», «Девяточка» и «Все для вас». Съездили к каждому. «Семейный дом» был уже закрыт. Возле «Девяточки» среди нескольких машин джип стоял, но с чужими номерами, а на стоянке у «Все для вас» была всего одна серебристая «девятка». Опять вернулись домой. Юлия вспомнила, что Натка, бывая в гостях, любила затариваться в центре, в универсаме «Воленск», и Алик, как правило, возил ее туда. Но и возле этого магазина ни искомой машины, ни ее владельца не наблюдалось.

– Может быть, в аварию попал? – предположил один из москвичей, когда время приближалось уже к одиннадцати.

Логонов позвонил знакомому гаишнику, тот быстро выяснил, что аварии с участием джипа не зарегистрировано. В приемный покой районной больницы ни А.Г. Мыльников, ни какой бесфамильный больной не поступал. В дежурной части заводской больницы пропавшего тоже не было.

Наконец обратились в милицию. Вообще-то, выполняя план по задержаниям, стражи порядка иногда могли переусердствовать и пригласить «проехать для выяснения» подвыпившего, но вполне способного добраться до дома мужичка. Однако трезвых (и пьяных тоже) владельцев джипов не задерживали. Стесняться Павел не стал и позвонил прямо начальнику райотдела, с которым находился в приятельских отношениях (в друзьях у владельца рыбных прудов ходило много местного начальства).

– Да нет, у меня в обезьяннике одни бичи, – заверил полковник, перезвонивший через несколько минут, – но патрулям я задание дам присмотреться к джипам, какой, говорите, у него номер? Если что выяснится, позвоню.

Сидеть возле телефона – занятие муторное. Но куда еще обратиться, придумать не могли. Сообразительный москвич выдвинул совсем уж нелепую идею:

– А может быть, он не стал нас дожидаться и давно уже на пруду, готовит лагерь? Дорогу он знает? Там у вас, поди, сотовый не берет?

Вспомнили, что палатку загружали в машину Алика. И связь на прудах действительно плохая – не каждый оператор доступен. Чем черт не шутит? Ночь не ночь, решили проехать на предполагаемое место рыбалки, благо, где будут ловить, обговорили заранее и дорогу туда Мыльников знал, потому что «на природу» в те места с семьями выезжали не раз.

Часам к трем ночи добрались до дальнего пруда. Сторож доложил, что вечером была компания с запиской от тестя, но сидели недолго, и машина у них была наша – «Нива – Шевроле».

Оставив москвичей на пруду – не пропадать же дням отпуска из-за исчезновения мало-знакомому им человека, – Павел под утро вернулся домой.

Юля сказала, что из милиции не звонили.

Придумать, что делать дальше, Логоновы не могли. Тянуть время тоже не стали, в девять часов утра о пропаже мужа сообщили Натке.

В десять мы с ней встретились.

* * *

– Я уже начала немного волноваться – почему он мне не позвонил утром, – говорила Натка. – Но потом решила, что, может быть, телефон в машине оставил, а сам на лодке с удочкой, или связи нет – на мой-то звонок «недоступен» ответили. И тут это сообщение. Вот и решила отправиться в Воленск, захватив брата, – я что-то плоховато себя чувствую для того, чтобы два часа за рулем провести... Ну что же мы сидим? Поехали, – опять всполошилась она.

– Сначала давай все-таки обсудим возможные варианты происшедшего, – остановила я ее. – А еще давай спросим судьбу.

Я достала мешочек со своими верными помощниками – гадальными костями. Юлька удивленно наблюдала за моими действиями. Заинтересовался и Виктор. Я знаком показала им, чтобы не отвлекали меня, сосредоточилась и сформулировала вопрос: «Насколько серьезно случившееся с Мыльниковым?» Потрясла кости. Выпало 14+25+1. «Кажется, на вашем пути есть препятствие, но непредвиденная задержка в достижении цели пойдет лишь на пользу. Не следует слишком рваться вперед».

– Вот видишь, – упрекнула я Натку, – а ты все кричишь: «Поехали в Воленск!» Поспешить – людей насмешишь!

Пришлось объяснить брату и сестре принципы гадания на двенадцатигранниках. Сначала они недоверчиво отнеслись к моей вере в гадальные кости. Но на примерах из предыдущих расследований я убедила их в том, что кости не ошибаются.

– Что ж, судьба не против моего вмешательства, – обратилась я к Юльке, подводя итог гаданию, – и даже обещает удачу. Я согласна заняться розыском твоего мужа. Павел с Юлей уже предприняли все те меры по поиску, что необходимы в первую очередь. Теперь нужно думать.

Я приготовила всем еще по чашке кофе и продолжила рассуждения.

– Каковы могут быть причины исчезновения? То, что в первую очередь приходит на ум, – дорожно-транспортное происшествие, сердечный приступ или инсульт... – при моих последних словах Натка дернулась.

– А что ты удивляешься? Знаешь, сколько сейчас молодых мужчин с инфарктами да инсультами в больницы попадают! А твоему тридцать три? Вполне подходящий возраст... Итак, ДТП и больницу мы отработали, и милиционеры говорят, что тоже Алика не забирали. То есть того, что чаще всего случается, не произошло. Что остается? – Я внимательно посмотрела на собеседников.

– Похищение? – выдал Виктор.

Натка побледнела.

– Может такое быть? – спросила я ее.

Она растерянна на меня посмотрела:

– Кому это может прийти в голову? Кому он нужен, кроме меня?

– А вот и давай вспоминай, кому. На работе были какие-то инциденты? Не нажил ли врагов? А ты сама? Может быть, причины в вашем бизнесе?

Натка потеряла виски, отхлебнула остывший кофе:

– Вообще-то в бизнесе всегда проблемы, спокойно не проживешь, но не до такой же степени... Я не могу представить, кто может на такое решиться. Да и не похищают сейчас людей.

– Еще как похищают! Помнишь, в прошлом году все областные, да и многие центральные газеты писали про Стешина, брата одного из областных министров, которого похитили, назначив выкуп? Его еще застрелили при попытке освобождения.

И зачем я сказала последнюю фразу?! Земскова побледнела и уронила чашку. Пролитый кофе отвлек наше внимание, и, пока я ликвидировала последствия паники, бизнесвумен взяла себя в руки и попробовала включить мозги.

– Но почему именно Алика? В Тарасове есть кого похищать, кроме него. Мои капиталы рядом с деньгами Стешина и не стояли.

– Но пару миллионов запросить с тебя можно?

– В бизнесе не бывает свободных денег. Все в деле. Придется что-то продавать, – задумалась Натка.

– Подожди, это только один из возможных вариантов, – прервала я ее размышления. – Это может быть наезд конкурентов. Подумай.

– Конкуренты? – Натка наморщила лоб. – Охранных фирм, конечно, сейчас немало. И клиентов им не хватает. Но такого уровня услуг, такого технического оснащения, как у Алика, у нас в городе никто предоставить не может. Здесь сильных конкурентов нет. С моей стороны, кто может попытаться надавить? Аптек сейчас развелось море – шагнуть некуда, чтоб на аптеку не нарваться, и всем больных хватает. На фитнес-клубы наездов не было – попробуй наедь на моего совладельца! Да и по «красоте» конкуренции нам составить некому. Такие технологии в Тарасове применяем только мы... Хотя...

Она ненадолго замолчала. Потом продолжила размышления:

– Поступало тут несколько предложений. Ты, наверное, знаешь, до меня этими «технологиями красоты» в Тарасове никто не занимался. А тут недавно москвичи подкатили. Эдик Разумович учился на пару курсов младше меня, но уже тогда крутым был. Потом уехал на историческую родину, раздобыл там денег, да и вообще семья не из бедных. Потом вернулся в Москву и занялся пластической хирургией. А теперь надумал расширяться, завоевывать провинцию. Прознал у наших, что в Тарасове этим я занимаюсь, и решил снять сливки с готовенького. Подкатил ко мне с предложением продать клинику. Представляешь, продать мое детище! Я начинала все с нуля. Добывала технологии, обучала кадры. У меня такие специалисты, что со столичными поспорят, а операции на порядок дешевле, ко мне не только из ближайших областей приезжают, но и москвичи, узнавшие, какие у меня цены, в очередь записываются. А чего мне стоило сначала арендовать, а потом и выкупить помещение? И оборудование у меня самое современное. Кредиты на него знаешь чего стоило выбить! И все это отдать? Да ни за какие деньги! Так я Эдику и сказала.

– А как он воспринял твой отказ?

– Скривился. Предложил подумать.

– Не грозил?

Натка слегка задумалась.

– Ну, если можно назвать угрозой обещание, что я о нем услышу...

– Вы с ним только один раз встречались?

– Один, но потом он звонил раза три, спрашивал, не передумала ли.

На мою просьбу вспомнить подробнее телефонные разговоры, Земскова начала припоминать:

– Встретились мы в июле. Он позвонил, сказал, что сейчас в Тарасове, передал привет от Миневича – это мой московский партнер по поставкам оборудования, – попросил о встрече. Я, дура такая, пригласила его к себе в клинику – хотела принять в крутом кабинете...

– Как он себя вел?

– Похвалил кабинет. Сказал, что тоже занимается «красотой», попросил показать оборудование. Якобы слышал от Миневича, насколько у нас тут все продвинутое. Я растаяла – доброе слово и кошке приятно, – все ему показала. Еще и говорила своим: «Знакомьтесь – наш коллега из Москвы». Потом мы еще вместе обедали – я его с Аликом познакомила.

Во время обеда он и выложил карты на стол, сказал, что столичный бизнес пошел в регионы, он тоже решил создать филиалы своей клиники. В Тарасове нет смысла начинать заново, если есть я, поэтому он хочет купить мое дело. Я просто опешила. И решительно отказалась. Эдик предложил подумать. И потом регулярно звонил, спрашивал, не изменила ли я свое решение. Я сначала отшучивалась, а потом сказала секретарше, чтобы отвечала ему, что меня нет. Тогда он достал мой сотовый и посоветовал не зарываться. Да, ведь еще и Миневич звонил, предупреждал, что Эдик связался с рейдерской компанией, и в некоторых областных центрах они начали активную атаку на имеющиеся там частные клиники.

– А ты поддерживаешь связи с коллегами из регионов? – задала я следующий вопрос.

– Ты знаешь, мы встречаемся на выставках, где знакомимся с технологическими новинками в нашей сфере деятельности, приобретаем новое оборудование. Общаемся, ведь в принципе мы не конкуренты – у каждого своя территория, – и поделиться опытом бывает полезно, хотя и не все идут на контакты.

– И там никто ни о чем подобном не говорил?

– Мы не настолько тесно общаемся, чтобы делиться такими проблемами.

– Но о рейдерстве вы вообще говорили?

– Да как-то не связывалось это явление с нашей сферой деятельности. Захватывают заводы, фабрики. У нас, конечно, деньги можно заработать, но не в таких масштабах. Это сколько взяток нужно дать, чтобы что-то у рейдеров сложилось? И потом, насколько я знаю, рейдерство и похищение – это совсем разные вещи.

– А ты не можешь связаться с кем-нибудь из коллег, поспрашивать их?

Натка возмутилась:

– Я буду болтать с ними, в то время как Алик пропал?!

– Натка, ты опять поддалась эмоциям, ведь, разговаривая с коллегами, ты и будешь искать Алика. Вдруг что-то подобное уже было? – попыталась я убедить одноклассницу.

– Ты думаешь, они станут повторяться? – Вопрос свидетельствовал о том, что, несмотря на бурю чувств, мозги у Натки заработали в правильном направлении.

– Как правило, у преступника свой почерк. И если где-то это получилось, почему бы не повторить? Понимаешь, на тебя выходят с требованием выкупа, ты ищешь деньги и вспоминаешь предложение Разумовича. Так он и клинику приобретет, и деньги вернет. Может быть, тебе возвратиться домой, подождать у телефона? Вдруг похитители позвонят?

– Если Алика действительно похитили, то его телефон у них, они спокойно позвонят с него на мой сотовый и изложат свои требования, – отрезала Натка. – А ты думаешь, что это действительно похищение?

– Это одна из версий. И если она верна, то мы об этом скоро узнаем.

– А есть еще версии?

– Давай подумаем. – Я встала из-за стола, чтобы сварить еще кофе. И пока я священнодействовала, Натка достала телефон, чтобы проверить звонки.

– Смотри, у меня пропущенный звонок! Звонили полчаса тому назад! – воскликнула она, поворачивая ко мне трубку.

– Почему же мы его не слышали?

– Да у меня сотовый в последнее время капризничает, если его уронить или захлопнуть крышку чуть сильнее обычного, он переключается на виброзвонок. А уж как я его кидала, когда не могла дозвониться до Алика!

– И кто же звонил? – спросила я.

– Не знаю, номер незнакомый. Перезвонить? – Натка взглянула на меня чуть нерешительно.

– Конечно!

– Я боюсь, а вдруг это и правда похитители?

Да, происшествие, видимо, сильно выбило ее из колеи. До сих пор нерешительностью она не страдала.

– Чем скорее мы выясним их требования, тем лучше! – убедительно заявила я.

– Да, ты права. – Натка нажала кнопку вызова, потом включила функцию громкой связи, а я быстренько достала из сумки диктофон и, пока шел дозвон, настроила аппарат на запись.

Отвечили довольно быстро, я едва успела приготовить записывающее устройство.

– Натуленька, спасибо, что перезваниваешь, – красивый мужской баритон наполнил кухню. – Наверное, первый раз я позвонил слишком рано? Разбудил тебя?

– Разумович, ты издеваешься? – Наткин голос звенел от возмущения. – Что тебе нужно?

– Я хотел узнать: не передумала ли ты, не надумала ли продать мне клинику? – В отличие от собеседницы, москвич говорил совершенно спокойно.

– А почему я должна это делать?

– Ну, мало ли что, вдруг деньги понадобятся? – Мне это показалось или все-таки язвительные нотки действительно прозвучали из телефонной трубки?

– С чего это ты взял?

– Всякое в жизни бывает. Может быть, встретимся еще раз, поговорим?

– Не дожدهшься! – вскричала Натка, а я замахала на нее руками и попыталась мимикой изобразить, насколько ошибочно ее поведение.

– И почему ты меня так не любишь? – не сдавался собеседник.

Я же покрутила пальцем у виска, пытаюсь дать понять Земсковой, что она поступает неправильно, отказываясь от встречи. При включенной громкой связи сказать ей об этом не было возможности. Впрочем, Натка уже и сама это поняла и растерянно посмотрела на меня, вероятно, просчитывая, как можно исправить положение.

– Давай поговорим спокойно на нейтральной территории, – после затянувшейся паузы еще раз предложил Разумович. – Может быть, я смогу тебя убедить?

– У тебя появились новые аргументы? Ты приедешь в Тарасов?

– И факты, – засмеялся собеседник, – я уже здесь. Пообедаем?

– Зачем откладывать? – наконец-то, беря себя в руки, бизнес-леди попыталась овладеть ситуацией. – Давай уж позавтракаем. Сейчас половина одиннадцатого. В одиннадцать сорок пять жду тебя в «Вишенке». Знаешь кафе в центре, между улицами Гоголя и Вишневой?

– Вообще-то я не очень знаю ваш город. А что, на проспекте нет приличных заведений?

– Есть, но там трудно с парковкой. Приходится ставить машину где-нибудь на прилегающих улицах и идти пешком. А рядом с «Вишенкой» банк «РОСАЛ» со своей автостоянкой, к которой пристроила несколько мест для машин своих посетителей и «Вишенка». Утром там свободно. – Пока Натка объясняла, как добраться до места встречи, я продолжала мимические

упражнения, усиленно тыча себя в грудь и переводя палец на Земскову: дескать, я с тобой. Та поняла, кивнула и решительно заявила:

– Только я буду с подругой. Она тоже имеет отношение к моему бизнесу!

– А я так мечтал о встрече наедине с тобой! – дурашливым голосом произнес Эдик. – Ну тогда, с твоего позволения, я тоже прихвачу знакомого. Он, кстати, тарасовский, покажет, где эта твоя «Вишенка» находится. Только не опаздывай, пожалуйста...

– Не на свидание еду, – оборвала его Натка и решительно отключилась.

– Это он! – В ее глазах плескался ужас. Слишком быстро начали реализовываться наши размышления. – Вот гад! Он мне еще в институте не нравился, вечно скользкий такой: говорит одно, думает другое, делает третье. У него и друзей-то никогда не было, и конспекты никому не давал.

Воспоминания и выискивание отрицательных черт Эдика грозили затянуться, поэтому я взяла инициативу в свои руки.

– Вообще-то рискованно, – размышляла я вслух. – С какой стати, если он замешан в похищении, ему светиться самому? Он что, авантюрист?

– Еще какой! – воскликнула Натка.

– Тогда попробуем его переиграть, – предложила я. – Сделаешь вид, что еще не знаешь о пропаже Алика. Посмотрим, как он себя поведет. Только ты должна соответственно выглядеть.

* * *

Мы занялись макияжем. Натка всегда умела приковывать к себе внимание мужчин. А сейчас, с лихорадочным блеском глаз, слегка растрепанной прической, была особенно обворожительна. Фирменные джинсы туго обтягивали внушительный зад. Это только в модных журналах красиво смотрятся субтильные малолетки. Многие мужчины любят, чтобы у женщины было за что подержаться. У Натки было. Я предложила ей свой джемпер, который недавно купила в известном бутике. Конечно, он был ей внатяжку и слегка коротковат, поэтому сексуально обнажал пупок. Проблему с короткими рукавами Натка тоже решила кардинально, подвернув их до локтей, получилось, как будто так и задумано. Погода требовала надеть еще и пиджак или куртку, но мы же будем на машине – не замерзнет! Сама я тоже постаралась выглядеть эффектно. Ну, при моей внешности это нетрудно. В отличие от Наткиного спортивного стиля, я выбрала юбку с разрезами по бокам, слегка прикрывающую колени и вязаный жакет бордового цвета, под который надела свой любимый черный топик. Янтарный кулон на золотой цепочке завершил образ. Парочка получилась еще та. Жгучая брюнетка и очаровательная блондинка – держись, Разумович!

Скромно сидевший в углу кухни Виктор напомнил о себе:

– А мне-то что делать?

– Езжай к Натке домой, сиди на телефоне, – скомандовала я.

– Зачем? – воскликнули оба в один голос.

– Мы ведь только предполагаем, что Разумович замешан в похищении, – объяснила я. – А если это не так и настоящие похитители пытаются сейчас дозвониться на домашний телефон с требованиями выкупа?

Натка молча вынула ключи от квартиры и отдала Виктору. Тот также молча их взял и пошел к выходу, но потом повернулся и спросил:

– И долго мне сидеть возле телефона?

– Пока не получишь нового ЦУ, – безапелляционно заявила я, а Натка подтверждающе кивнула.

Проводив Виктора, мы еще раз повертели у зеркала, проверяя, все ли в порядке, и тоже направились к выходу.

«Вишенка» располагалась совсем недалеко от моего дома. Несмотря на ужасные пробки, мы добрались туда за пятнадцать минут. Но заходить в кафе не стали – пусть лучше Разумович нас подождет! Припарковались чуть в отдалении – с этого места хорошо была видна стоянка, которую описывала Эдику Натка.

Без двадцати минут двенадцать на эту стоянку въехал «шестисотый» «мерс», из которого вышли импозантный мужчина ярко выраженной еврейской внешности и кругленький мужичок ниже среднего роста, который кого-то мне напомнил. Но как я ни пыталась сообразить, кто это, не смогла.

– Пойдем, не будем заставлять кавалеров ждать, – предложила я.

Мы переехали к стоянке возле кафе – слава богу, здесь было не одностороннее движение, как на большинстве центральных улиц города, – и быстренько выгрузились из автомашины. Переглянулись и энергичным шагом направились в кафе.

Наши будущие сотрапезники еще стояли недалеко возле входа, выбирая столик, возле них крутился официант, обращаясь к коротенькому спутнику Разумовича и выказывая ему всяческое почтение, по-видимому, его здесь хорошо знали.

– Хэллоу! – воскликнула Натка, привлекая к себе внимание мужчин (я тоже стараюсь не говорить «Здравствуйте» неприятным мне людям). – Лучше давайте спустимся вниз.

Большой зал «Вишенки», переделанный из популярного некогда гастронома, не был единственным. Но о том, что внизу, в подвальном помещении, есть еще несколько уютных мини-залов, где удобно было расположиться небольшой компанией, знали далеко не все. Мы направились к лестнице, круто спускавшейся вниз. Мужчины последовали за нами. Первый же кабинет оказался свободным. Дизайнер неплохо поработал. Низкие панели из темного дерева органично переходили в панно, созданное из безжалостно разрезанных на куски ковров, объединенных лепными элементами в своеобразную мозаику. Тяжелый стол окружали массивные стулья. Как раз четыре. Из прикрепленной на стене внушительной панели ЖК-телевизора доносились звуки приличного джаза – совсем негромко, лишь создавая звуковой фон, позволяющий вести беседу, не напрягая голос.

Едва мы вошли, как появился официант, предложивший меню.

Озадачиваться Натка не стала, сразу заказала минеральную воду («Я за рулем, а Татьяне еще предстоит рулить»), фруктовый салат и кофе, и, передавая внушительную, обтянутую натуральной кожей папку мужчинам, посоветовала:

– Здесь прилично готовят рыбу.

– Раз уж мы в Тарасове, значит, возьмем стерлядь, – решил Разумович.

Сопровождавший его крепыш только кивнул, не сводя с меня изучающего взгляда. По-видимому, не зря он показался мне знакомым – где-то мы встречались, и необходимо было срочно вспомнить, где, чтобы определить, какой «легенды» придерживаться.

Впрочем, еще когда Натка назвала мое имя, в его глазах что-то промелькнуло. А теперь он еще и утверждающе кивнул. Узнал...

– Эдуард Миронович, – представился Разумович, просительно протягивая мне руку, а когда я протянула свою, поднес ее к губам и удерживал так долго, что мне пришлось освободиться.

– А Николая Петровича Самсонова вы знаете? – спросил, обращаясь к нам обоим.

– Тот самый Самсонов? – Натка изучающее посмотрела на четвертого члена нашей компании.

* * *

Фамилия эта много сказала и мне. В прошлом году в городе был большой шум по поводу рейдерского захвата одного из крупнейших наших заводов. Как и все советские предприятия,

в свое время завод этот получил приличную площадку в центре города, где с размахом строил цеха, складские помещения и даже свой ДК. Новые времена заставили экономно использовать не только энергоносители, но и производственные площади. Сконцентрировав производство в одном здании, от остальных помещений руководство завода стало избавляться, продавая их по принципу: кто больше даст. При нормальной экономике это вполне разумный подход. А вот при нашем уродском капитализме каждый шаг нужно просчитывать, даже такой, как продажа ненужного здания единого комплекса.

Когда это было одним заводом, никто не придавал значения тому, что все коммуникации – вода, тепло– и электроэнергия и даже канализация – врезались в городские системы практически в одном месте, возле цеха №7. Проблемы начались, когда это здание вместе с участком земли (тем самым, где и были зарыты коммуникации и врезался силовой кабель) купила компания «Созидание» из соседней области. Как выяснилось, купила с дальним прицелом. Первое, что сделали новые хозяева, – перекрыли все задвижки, оставив без электричества, газа и воды завод и другие предприятия, которые начали свою деятельность на выкупленных площадях. Сколько было судов, прежде чем производственники сумели доказать неправомерность действий компании. Срывались сроки поставок продукции, нарушались договорные обязательства – в подробности я не вникала, но особенно запомнился шум вокруг принадлежавшего когда-то заводу Дворца культуры, который тоже был продан, перестроен под развлекательный центр и пользовался популярностью в городе. Как раз в то время там должно было состояться грандиозное лазерное шоу с известными артистами, цена билетов зашкаливала, и тем не менее достать билетик было невозможно. За три дня до премьеры выясняется, что «света» нет и не будет до тех пор, пока не будут выполнены драконовские условия новых собственников. И таких критических ситуаций для предприятий и организаций, расположенных на территории бывшего завода, было создано немерено. Рабочие выходили на демонстрации, перекрывали центральную улицу города, требуя навести порядок и дать заводу нормально работать. В дело пытался вмешиваться губернатор. Но «пришлые» побеждали во всех судебных инстанциях, и кое-кто уже начал сдаваться. Беспорядки длились, пока разрулить ситуацию не взялся Николай Петрович Самсонов. Как на него вышли «наши» и откуда у незаметного до того юриста взялись такие связи, мало кто знал. Но именно ему удалось «отбиться» от гостей. В то время пересеклись и наши пути. У одного из «отбивавшихся» директоров пропали документы, которые я благополучно нашла. Возможно, тогда Самсонов и узнал про меня, как и я про него.

Интересно. Выходит, что сейчас он выступает на стороне «захватчика»? Ну что ж, поживем – увидим.

* * *

Еще в машине мы договорились, что вначале инициативу отдадим в руки «захватчикам». Поэтому начинать разговор не торопились.

– Как поживает Алик? – с интересного вопроса начал товарищ!

Мы переглянулись.

– Нормально. – Натка смогла сдержаться и постаралась не измениться в лице. – На рыбалку поехал на три дня, звонил недавно, сообщил, какой улов.

– И какой?

– Говорит, богатый. Я только просила домой ничего не привозить – терпеть не могу рыбу чистить, – скорчила рожицу Натка.

– Я тоже охотничью и рыболовную добычу домой приношу в готовом виде, – подключился к разговору Николай Петрович.

– Это как? – удивились мы с Наткой в один голос.

– У моего знакомого лесника, – начал свое пояснение собеседник, – жена потрясающе готовит дичь. Пока мы греемся и отдыхаем, она нам все запекает и раскладывает по судочкам. И рыбу мы ловим на озере недалеко от них. Оставляем улов, а потом получаем в готовом виде – жареную, соленую или копченую.

– Вот уж не понимаю рыболовов – сидят, смотрят в одну точку. – Натка беспокойно заерзала на своем стуле. Ее неумная натура требовала действий, и неспешный разговор не по теме начинал раздражать.

– Да, жены обычно не разделяют мужских увлечений, – высказался Эдик.

– Интересно, а твоя жена разделяет твое увлечение скупкой чужого бизнеса? – не выдержала Натка.

– Ее не интересует, как и где я добываю деньги, – засмеялся Эдик, – лишь бы ей хватало на очередную цапку. А твой муж тебе много помогает в делах?

– У нас разный бизнес, – сухо ответила Натка. – Может быть, все-таки начнешь говорить конкретнее?

– Конкретнее? – Разумович достал блокнот, ручку, черкнул несколько раз и подвинул блокнот Земсковой. – Вот тебе мои аргументы и факты.

– Когда я должна дать ответ?

– Тебе нужно время для раздумий?

На месте Натки я бы прибила Эдика за ту улыбку, которой он сопровождал вопрос.

– Конечно. Я не могу вот так, с ходу, продать дело, на развитие которого потратила столько сил и лет. Но ведь ты не возместишь такую сумму за три года, да и за пять лет не возместишь. В чем же смысл покупки?

– Ты забываешь об инфляции. Цены растут, и через пять лет дело будет стоить вдвое дороже, а то и больше. И потом, разве тебя должны волновать мои последующие доходы?

– Конечно, мне не безразлично, что станет с клиникой. Это мое детище, моя гордость.

– То есть теоретически ты уже согласна продать мне бизнес? – продолжал нажимать Эдик.

– Когда я должна дать ответ? – Натка посмотрела на меня, как бы спрашивая, правильно ли она себя ведет.

Я ободряюще кивнула.

– Мне хотелось бы решить все сегодня. Город у вас красивый, но у меня в столице много дел. – В голосе нашего собеседника зазвучали стальные нотки.

– Нет. Так быстро я не могу. Николай Петрович твое доверенное лицо? Пусть он составит договор о намерениях. Я почитаю, подумаю. Обещаю не затягивать. С юристами посоветуюсь. – Натка тоже закусила удила.

– А разве Татьяна Александровна не ваш юридический консультант? – спросил Самсонов. – А договор о намерениях – пожалуйста. Только сумма не проставлена. Но Эдуард Мионович ее обозначил.

– Ты еще с мужем посоветуйся, – интересно, это Эдик язвит или намекает?

– К моему мужу ты равнодушен! – продолжала накаляться Натка.

– Я равнодушен к тебе. – Разумович внимательно смотрел на нее.

– Хорошо, я приму решение по возможности быстро, – поставила точку Натка и решительно встала.

– Спасибо за завтрак, – постаралась смягчить я ситуацию. Разумович тоже поднялся, и они с Наткой смотрелись, как два петушка, собирающихся выяснять отношения.

Самсонов посмотрел на меня и развел руками:

– Ну, куда же вы торопитесь? В кои-то веки довелось посидеть с такими красавицами...

– С мужем советоваться! – Натка рванула с места, как норовистая лошадка.

Я поспешила за ней, сунув Самсонову свою визитку с просьбой перезвонить. На визитке было указано, что я частный детектив, но что уж скрывать, раз он меня вычислил, если не с первого, то со второго взгляда.

* * *

Вылетев из кафе, Натка на всех парах добежала до своей машины.

– Давай я сяду за руль, – я решительно взяла ее за руку, – а то еще врежешься куда-нибудь.

Одноклассница растерянно посмотрела на меня, потом протянула ключи. Иномарки я начала осваивать совсем недавно, долгое время разъезжала на выдавшей виды «девяточке» – машине быстрой, надежной, но неприметной, что при профессии частного сыщика часто бывало просто необходимо, но для разностороннего развития при возможности всегда старалась порулить автомобилем какой-нибудь другой марки. Поэтому Наткина «Тойота Лендкрюзер» была для меня не в диковинку. Хотя я и чувствовала, что она для меня великовата, и поэтому первые движения делала осторожно, стараясь освоиться с непривычно большой машиной. Но та упрямыться не стала: и завелась легко, и в дальнейшем вела себя хорошо, быстро домчав нас до нового микрорайона, где и располагалась Наткина квартира.

– Ты знаешь, где я живу? – удивилась Земскова.

– У тебя ведь совсем недавно был весь наш класс, – пояснила я. – Ты думаешь, мне не доложили, какая у тебя шикарная квартира?

Натка чуть улыбнулась и объяснила, где лучше припарковаться.

Виктор открыл дверь сразу же и еще в прихожей доложил, что никаких звонков не было вообще.

– Сколько времени прошло с тех пор, как Алик пропал? – решила уточнить я.

– Логоновы вспомнили про Алика часов в девять-десять, – ответила Натка. – А поехал в магазин он часов в семь.

– Сейчас тринадцать двадцать шесть, – уточнила я время, – прошло уже около шестнадцати часов. Похитителям, если они действительно существуют, пора бы объявиться. Так, может быть, это все-таки не похищение? Давай думать, какие еще могут быть причины исчезновения твоего любимого мужчины, – обратилась я к Натке. – Только не говори, пожалуйста, что мы должны поехать в Воленск. Туда мы еще съездим. Но девяносто девять процентов вероятности за то, что причина «пропажи» здесь, в Тарасове.

– Да Разумович это! Я все поняла по его противной роже! – Натка начала выпускать пар.

– Не торопись, – попросила я ее. – Я все-таки уверена, что организатор похищения не стал бы напрямую встречаться с тобой.

– Но он же все время намекал на отсутствие Мыльников. «Спроси у Алика, посоветуйся с мужем», – передразнила она собеседника.

– Тогда в ближайшие полчаса должен последовать звонок с предложением выплатить сумму в пределах той, которую обозначил тебе Разумович.

– И что мы будем делать эти полчаса? – разъяренной тигрицей одноклассница металась по комнате.

– Ты сварь мне кофе, а я еще раз раскину кости, – я достала свой заветный мешочек.

Натка согласно кивнула, но на кухню не пошла, застыв в ожидании намека судьбы.

Выпало 30+15+4, что значит «Ждите скорого обмана. Верьте не тому, что вам говорят, а тому, что видите». Я привыкла избирательно относиться к тому, что говорят мне люди, значит, будем настороже.

Обсудив предначертанное, я все-таки отправила Натку на кухню. И сама пошла за ней, рассуждая вслух:

– Давай проанализируем ситуацию на работе Алика. У него зам надежный? Не пытается его подсидеть?

– Владимир? – задумалась Земскова. – Ты думаешь, что он захотел на место Алика? А почему бы и нет?

Подхватив с огня турку с собравшимся убежать кофе, я взяла инициативу по наполнению чашек в свои руки. А Натка продолжала рассуждать:

– Когда мы создавали охранное предприятие, – она даже не пыталась скрыть, что в фирме своего любимого играет не последнюю роль, – набирали кадры из офицеров запаса. Перову дали хорошие характеристики. Он демобилизован по ранению. За плечами боевой опыт, приобретенный на Кавказе. Мы, можно сказать, помогли ему вновь найти себя. Пенсия у него не так уж велика (Родина наша не слишком щедро благодарит своих защитников, даже тех, кто кровь проливал), но главным для Владимира были не столько деньги, сколько возможность заниматься интересным делом. Можно представить, как чувствовал себя боевой офицер после того, как восстановил здоровье и оказался не у дел. Он с удовольствием включился в работу по подбору кадров. Алик в основном техникой занимался, заказывал комплектующие, узнавал о новинках в технологии. А самих технарей, тех, кто охранное оборудование устанавливает, нанимал как раз Володя. И службу охраны и сопровождения грузов организовывал. Он и за дисциплиной следит. Мне кажется, ему нравится это дело. Захотел в директорское кресло? Вот гадость какая – никому нельзя верить! Алик для него так много сделал, а он его подсидеть задумал?!

– Да подожди ты заводиться! Мы же пока только варианты рассматриваем! А вообще-то ждем звонка от похитителей.

Натка опять забегала – теперь уже по кухне. Ее деятельная натура с режимом ожидания никак не совмещалась. Чем же ее занять?

– А давай позвоним Перову, – предложила я, – спросим, не связывался ли с ним Мыльников.

Сказано – сделано: Натка тут же набрала телефон зама.

– Володя? Тебе Алик звонил сегодня? Что-то мне он не отвечает. Тебе тоже? – Натка забыла перевести телефон на громкую связь и теперь повторяла для меня ответы. – А ты в офисе? Собираешься уезжать? Подожди, мне нужно с тобой увидеться! Я буду через полчаса.

Отключив телефон, Натка заявила:

– Хочу посмотреть на его наглую рожу!

– А что, Разумовича мы уже больше не подозреваем? – не удержалась я, чтобы не съехидничать.

Одноклассница даже остановилась и захлопала глазами:

– Ну, он же не звонит!

– Вообще-то он тебе уже высказал свое предложение и ждет, когда ты созреешь.

– Но я-то не могу ждать – у меня муж пропал! – Если бы сейчас похитители попали Натке в руки, она стерла бы их в порошок. Но так как злоумышленников поблизости не наблюдалось, ее энергия должна была вылиться на кого-то другого. Ну что ж, посмотрим на господина Перова. Интересно, что собой я представляет зам Мыльникова.

* * *

По-прежнему оставив Виктора на телефоне, несмотря на то что он начал возмущаться своей пассивной ролью, мы отправились в фирму «Надежность».

За те годы, что фирма существует, она смогла обрасти значительным числом клиентов. Работники фирмы не только устанавливали охранные системы и обслуживали их, но и сопровождали ценные грузы, обеспечивали охрану важных лиц и их семей. Причем относились ко

всему добросовестно, упор делался на самые современные технологии, позволяющие отследить, где находится машина и даже человек. Устроиться на работу в фирму было нелегко, но если уж молодой человек попадал в число избранных, то учили основательно, следили за тем, как складывается его карьера, обеспечивали повышение квалификации. Постепенно в Тарасове стало модным иметь дело с фирмой «Надежность». И не только модно, но и выгодно было устанавливать охранные системы этой фирмы, соответствующие последнему слову техники. Здесь всегда можно было разжиться каким-нибудь электронным «прибамбасом». Даже я заглядывала в магазин при фирме и пополняла свои запасы следящими и записывающими мини-штучками.

* * *

Перов встретил нас в холле, где сидела секретарша и куда выходило несколько дверей. Одну из них Владимир открыл и предложил нам пройти в его кабинет. Комната средних размеров была обставлена современной офисной мебелью. Я люблю рассматривать кабинеты. Они очень о многом могут рассказать. На рабочем месте обязательно скажется характер человека. Письменный стол Перова свидетельствовал о пунктуальности своего хозяина. Перекидной календарь, подставка под ручки и канцелярскую мелочь и даже телефон располагались строго перпендикулярно краю стола. Деловые бумаги были разложены по массивным папкам, лежащим ровной стопкой. Справочники, техническая литература и специализированные журналы выстроились в стенке напротив окна. Единственным украшением было стоявшее на средней полке большое фото четырех смеющихся парней в форме десантников. Во втором слева можно было узнать очень молодого Перова.

Натка представила нас:

– Владимир Сергеевич Перов – заместитель Александра Геннадьевича.

– Татьяна Александровна Иванова – частный сыщик.

Перов удивился, услышав, чем я занимаюсь, и вопросительно посмотрел на Натку.

– Володя, Алик пропал, – дрогнувшим голосом произнесла та. Она больше не выглядела разгневанной фурией, собирающейся взять Перова за грудки.

Я внимательно смотрела за реакцией зама на неожиданное известие. Понравилась ли мне эта реакция? Этого я пока не решила.

Владимир Сергеевич удивленно вскинул брови, потом перевел взгляд с Натки на меня и обратно, как бы проверяя, не шутят ли с ним. Убедившись, что это не розыгрыш, он, повидимому, машинально прошел к своему столу и сел в крутящееся кресло. Достал чистый лист бумаги. Взял ручку. Посмотрел на Натку:

– Как это случилось?

– Я сама еще ничего толком не знаю, – со злостью ответила та. – Уехал вчера в Воленск на рыбалку к Логонову.

– Я в курсе, что он уехал в Воленск. А что там произошло?

– Да не знаю я, – чуть ли не закричала Натка, – и никто не знает! Уехал часов в семь в магазин за водкой и больше не приехал.

– За водкой? – еще больше удивился Владимир Сергеевич.

– Больницы, вытрезвители, морг проверили, – вставила я.

– А запить он не мог? Или в карты заиграться?

– Эти варианты мы не отрабатывали, – теперь пришлось удивляться мне.

– Ты считаешь, что он банально запил? – встрепелась Натка.

– Запил – не запил, – задумчиво проговорил Перов, – а вот где его джип, мы узнать можем.

– Как? – Наши с Наткой голоса слились в один.

– Мы сейчас продвигаем на рынок спутниковую навигацию и начинаем отслеживать движение «охраняемых» автомашин через спутник. Дело это новое, естественно, испытываем на себе. И у меня, и у Александра Геннадьевича приборы установлены, и запись должна вестись круглосуточно. Пошли в операторскую.

Натка первой сорвалась с места.

Дверь в операторскую располагалась в том же холле, где сидела секретарша, удивленно проводившая взглядом промчавшуюся на всех парах Натку и спокойно прошествовавшего, нисколько не теряя в скорости, Перова. Я шла последней, рассуждая, что эти новые технологии – если они будут развиваться такими же темпами – скоро оставят меня без куска хлеба: кого же я буду искать, если за всеми спутники следить начнут?! Вот и Алика сейчас найдем, а я, получается, и трехсот долларов не заработаю – полдня всего расследую дело, а найдет пропажу его же зам. Ну вообще-то заму я не позавидую, если Алик действительно загулял.

Довольно большая комната по периметру была заставлена мониторами. Бородатый и волосатый молодой человек копался во внутренностях одного из компьютеров, расположенных на столе в центре. Другой сидел на крутящемся стуле и смотрел последовательно на картинки мониторов, время от времени что-то переключая. Когда он заметил вошедшего Перова, то встал и доложил:

– Дежурный Семушкин. На особом контроле два объекта – машина с грузом для фирмы «Оптима», следует из Бреста, и объект «дипломат».

– Подробностей не нужно, – остановил его Перов. – А скажи-ка нам, Денис, где находится машина Мыльников.

Молодой человек подкатился на кресле к крайнему слева компьютеру, пошевелил мышкой и вывел на монитор карту.

– На северо-западной окраине Воленска. Улица Молодежная, нечетная сторона, дома номер между сорок шестым и пятидесятым. Сигнал не меняется с девятнадцати пятидесяти шести вчерашнего дня. Переведен в режим 30—60—120.

– Распечатай нам график передвижений с шестнадцати ноль-ноль, – скомандовал Перов.

Молодой человек вывел какую-то таблицу, немного поколдовал, и заработавший принтер начал «выплевывать» лист за листом.

– А телефон? – спросил Перов.

Денис переехал к другому компьютеру и спросил:

– Распечатать?

Перов хотел отказаться, но я перебила:

– Лучше бы распечатать.

Вновь несколько движений мышкой, и компьютерщик протянул Перову еще один лист бумаги. Тот собрал все листы и предложил нам вернуться в его кабинет.

Натка, молчавшая все это время, продолжала накаляться.

В кабинете Перова ее прорвало:

– Выкладывай, что там! Если это то, что я думаю, я его убью!

– Наталья Владимировна, не спешите с выводами. – Перов был серьезен. – Если бы Александр Геннадьевич захотел «отдохнуть», он бы меня предупредил и снял машину с постоянной охраны.

– Это что, это у вас часто практикуется? – Натка даже задохнулась от возмущения.

– Нет, но это же естественно.

Владимир Сергеевич разложил на большом столе, вокруг которого мы собрались, только что распечатанные карты и графики.

– Давайте посмотрим. Так. В шестнадцать сорок четыре машина остановилась на улице Пионерской.

– Это у Логоновых, – вставила Натка.

– Да, – подтвердил Перов. – В семнадцать ноль пять он позвонил на номер 927.....0707. Звонок продолжался... Ого, двадцать пять минут! Да это же ваш номер, – Владимир Сергеевич посмотрел на Натку.

– Ну да, Алик мне позвонил, что доехал нормально, и передал трубку Юльке. Естественно, мы поболтали немножко.

– Так, машина стояла на месте до восемнадцати сорока шести, – продолжал разбираться зам. – Но за это время у него было еще несколько входящих и один исходящий. Исходящий – это мне. Он отзвонился, сказал, что доехал нормально, что через пару часов поедут на пруд, там связь плохая, и, если что, звонить Юле. Она найдет способ связаться.

В 17.37 на его сотовый поступил звонок с номера 986...00011. Разговаривали две минуты, потом через полчаса звонок с этого номера повторился. Разговор продолжался сорок секунд.

А через десять минут машина отъехала от Логоновых.

– Кто ему звонил? – Натка продолжала краснеть.

Перов снял трубку:

– Денис, пробей номер 986...00011. Мы ждем.

– Может быть, пока кофе попьем? – предложил Перов, вызывая секретаршу.

– Мне минералку, – покачала головой Натка.

– А я выпью, только если не растворимый, – предупредила я.

Секретарша обиженно поджала губы и буквально через три минуты принесла две чашки приятно пахнущего натурального кофе и стакан, в который тут же налила минеральной воды из стеклянной бутылки.

Перов продолжал шуршать принесенными графиками.

– Так, что у нас дальше? – задал он сам себе вопрос. – В девятнадцать восемнадцать машина остановилась в центре города у магазина «Воленск». Через шестнадцать минут Александр Геннадьевич поехал на северо-запад и через двадцать две минуты был на улице Молодежной. Через двадцать семь минут сигнал переведен в экономный режим и до сих пор подается с той же точки.

В кабинет заглянул Денис и протянул Перову лист бумаги.

Тот прочитал. Задумался. Молодец – мимикой хорошо владеет! Ни нос не почесал, ни лоб не потер. Но чувствовалось, что решить, что же делать, он не может.

Натка резким движением вырвала лист бумаги из рук Перова.

– 986...00011 – Соловьева Марина Аркадьевна, – прочитала она вслух. Рука ее безжизненно опустилась, Натка побледнела, потом закрыла рот рукой, как будто ее затошнило, медленно встала и вышла.

Владимир Сергеевич все-таки не удержался и высказался:

– Вот дурной, не мог предупредить!

– Любовь нечаянно нагрянет, – не удержалась я, чтобы не съехидничать. Тоже встала и пошла вслед за Наткой.

* * *

– Где она? – спросила я секретаршу.

Та показала на среднюю дверь, ведущую, как выяснилось, в коридор. Там тоже было несколько дверей. Осмотревшись, я потянула самую последнюю, оказавшуюся, как я и предположила, туалетной. Натка стояла, склонившись над раковиной. Я заперла на задвижку входную дверь.

Ну, надо же так расстраиваться! Вот тебе и железная бизнес-леди...

– Фу, как тут накурено, меня от дыма тошнит, – пожаловалась Натка.

– И давно? – спросила я.

– С неделю.

– Алик знает?

– Это было не так сильно, я не придавала значения. – Голос одноклассницы задрожал. Сейчас расплачется...

– То есть ты сама не знаешь, почему тебя тошнит?

– Вчера вечером я проверилась. Тест положительный.

– Поздравляю.

Мы помолчали.

– Ну, что? Берем себя в руки! – Я погладила Натку по плечу. – Теперь тебе есть ради кого жить.

Натка оглянулась вокруг в поисках сумочки.

– Оставила в кабинете Перова? – спросила я. – Подожди, сейчас принесу.

Забирая Наткин баул (мне совсем не по нутру современная мода на громадные сумки: даже разукрашенные многочисленными «молниями» и кармашками, они все равно напоминают хозяйственные сумки наших бабушек), я, между прочим, спросила у Владимира Сергеевича:

– А что значит «режим 30—60—120»?

– При отключении от постоянного питания датчик сигнализации переходит на автономное и ради экономии передает сигнал не постоянно, а выходит в эфир первые три часа – через тридцать минут, потом через шестьдесят, а затем через сто двадцать.

«Значит, все-таки позаботился о секретности», – решила я.

– Спасибо за содействие, – с этими словами я вышла из кабинета мыльниковского зама, которому теперь придется решать проблему, как выкрутиться из ситуации, когда он сдал своего шефа жене.

* * *

Натка уже не плакала, но выглядела очень подавленной. Она достала из сумочки пудреницу и больше для проформы провела по лицу пуховкой.

– Ты проводишь меня домой?

– Конечно, тебе за руль сейчас садиться не надо.

Собравшись с силами, Натка попробовала вернуть себе свою решительную походку. Я отправилась следом, прихватив с раковины скомканный полунамокший кусочек бумаги. Пока мы шли по коридору, я его расправила и рассмотрела. Это был, как я и предполагала, телефонный номер предполагаемой пассии Мыльникова.

Кивнув на прощание секретарше и даже не заглянув к Перову, мы прошествовали к выходу.

В пробках постояли немного и минут через сорок уже входили в квартиру Натки.

Виктор доложил, что звонила из Воленска Юля, спрашивала, нет ли новостей у нас – у них самих ничего не прояснилось.

– Ты пообедал? – поинтересовалась у брата Натка.

– Я чай пил с бутербродами, – ответил тот.

– Пойди поешь щей и можешь быть свободен, – сказала Земскова.

– Как, – удивился Виктор, – а Алик?

– Козел твой Алик! – опять начала заводиться одноклассница.

Виктор, видно, смекнув, что произошло, стушевался и быстро ретировался в кухню.

Натка уселась на диван и дала волю слезам.

От нечего делать я подошла к окну и поняла, почему одноклассница не стала покупать квартиру в тесном, забитом транспортом центре города. Новый микрорайон располагался на

одном из окружавших центральную часть города холмов, и из окна открывался замечательный вид на речные просторы и панораму городских улиц. А как, наверное, красиво смотреть отсюда на ночной Тарасов, залитый огнями реклам и окон многоэтажек, с гирляндой фонарей, освещающих мост через Волгу! Да и сейчас, солнечным осенним днем, весь расцвеченный первым золотом кленов в обрамлении задержавшихся в лете березок, город смотрелся очень живописно. Даже расположившийся вокруг Наткиного дома новый микрорайон избежал привычной строительной неразберихи и уже радовал глаз асфальтированными дорогами, выложенными плиткой тротуарами с аккуратными бордюрами и пока еще слегка намеченными, но уже просматривающимися зелеными зонами, детскими и спортивными площадками и автомобильными стоянками. Неужели мы все-таки научимся не просто лепить однотипные многоэтажки, навечно погрязшие в строительном мусоре, а начнем наконец-то создавать комфортную для человека городскую среду?

Мое внимание привлек автовладелец, копавшийся в моторе белой «Лады», одиноко расположившейся в углу почти пустой автостоянки. Глядя на него, я вспомнила, что что-то резануло мне ухо во время беседы в кабинете Перова. Подсознание отметило какую-то нестыковку, нелогичность поступка Алика. Впрочем, мы, женщины, не всегда понимаем логику влюбленного не в нас мужчины. Влюбленного? Я повернулась к застывшей на диване Натке:

– И ты ничего не замечала?

Та молча покачала головой.

– Это только считается, что жена узнает обо всем последней, – продолжала настаивать я. – Не замечает только та, которая не хочет заметить.

Натка подняла голову, в глазах все еще стояли слезы. Она рассказала, что Алик никогда не был бабником. Ни до нее, ни с ней. После того как была решена проблема алкоголизма, активно занялся бизнесом, создал фирму – работал много, но домой приезжал, как ей казалось, с удовольствием. Часто Натка даже возвращалась с работы после него, он ждал ее, готовил что-нибудь вкусненькое – кто раньше приезжал, тот и занимался ужином. С полгода тому назад Алик вдруг спросил, почему у них нет детей. Натка бросила пить таблетки. А эту Соловьеву Натка знает. В их прошлый приезд в Воленск они встретились с ней как раз в этом универсаме. Соловьева первой узнала Алика и окликнула его. Он расцвел: «Маришка! Сколько лет, сколько зим!» И представил дам друг дружке. Так Натка познакомилась с одноклассницей Алика. Да она и сама ее вспомнила – учились-то в одной школе! Зашли на полчаса в кафе, взяли дамам шампанского. Натка слушала, как они вспоминали всех одноклассников, про кого знали и про кого что-то слышали. Потом обменялись визитками и разошлись. Позже Алик признался Натке, что Марина – его первая любовь.

– Давно это было? – уточнила я.

– Месяца два тому назад.

– А потом Алик ездил в Воленск?

– Нет. Но в Тарасове они как-то встречались, ведь Марина в Воленске возглавляет филиал тарасовской фирмы и в областном центре бывает часто. Она позвонила Алику, предлагала организовать встречу одноклассников: у них дата – пятнадцать лет, как школу окончили.

– А они не встречались в этом году, как наши?

– Нет. Вот Соловьева и попыталась проявить инициативу, но что-то у них не сложилось – на приглашение откликнулись человека три. Видно, поздно начали «трубить общий сбор», ведь все уже запланировали, как проведут лето. Поэтому встречу перенесли на следующий год.

– А давай ей позвоним? – решила я хоть что-то предпринять.

– Ни за что! – возмутилась Натка. – Да я и бумажку с телефоном выкинула.

– Вот она, – сказала я, доставая скомканный клочок, который подобрала на раковине в туалете фирмы Земскова.

Натка нерешительно протянула руку к телефону:

- И что я скажу?
Но тут телефон зазвонил сам.
- Это Разумович, – удивилась Натка, включая громкую связь. – Слушаю.
- Дорогая, ты с мужем посоветовалась? Когда начнем оформлять бумаги? – раздался знакомый голос, который нам обоим показался до омерзения противным.
- Отстань, без тебя тошно! – рявкнула Натка и отключила телефон.
- Но тебя, кажется, поразила названная им сумма, и ты заинтересовалась предложением? – напомнила я.
- Ну, да! Любимого увели, бизнес продам, и что я буду делать? – возмутилась одноклассница.
- Любимого, допустим, еще не увели. Ну, гульнул мужик. – Лучше бы я этого не говорила! Натка начала покрываться пятнами, и я решила срочно сменить тему: – Так ты будешь звонить Соловьевой? – Я протянула бумажку.
- Чтобы предложить ей оставить его себе?
- Лично я бы открытым текстом сказала, что Алик пропал, и спросила бы, не встречала ли она его вчера?
- Зачем? – удивилась Натка.
- Люблю провокации.
- Ну, давай попробуем, – сказала Земскова, набирая номер, который мы получили у Перова.
- Абонент временно недоступен. Пожалуйста, позвоните позднее, – раздался бесстрастный голос из трубки.
- Этого и следовало ожидать, – расстроилась Натка.
- А ей-то зачем телефон отключать? – удивилась я и решила перевести разговор на другую тему: – Так ты откажешь Разумовичу?
- Да, конечно, – решительно сказала Натка. – Сумма, правда, неплохая, но я люблю это дело, зачем мне его продавать?
- Тут зазвонил мой телефон. Причем номер был незнаком.
- Слушаю вас, – из солидарности я тоже включила громкую связь.
- Татьяна Александровна, – мужской голос звучал громко, на всю комнату. – Это Николай Петрович Самсонов. Мы сегодня встречались.
- Да, я вас слушаю. – Я посмотрела на Натку, которая удивленно подняла брови.
- Как я понял, вы консультируете Наталью Владимировну? Мы могли бы увидеться? – Такого предложения я не ожидала и еще раз вопросительно посмотрела на одноклассницу. Та нахмурилась и отрицательно покачала головой.
- Насколько я понимаю, Наталья Владимировна не настроена принимать предложение Разумовича. – Я не спешила отказываться, потому что не хотела рубить сплеча.
- Поэтому я предлагаю все обсудить. Давайте поговорим как юрист с юристом, – настаивал Самсонов.
- Вообще-то я работаю с Земсковой немного по другому делу, – решила определиться я, – и оно в принципе закончено.
- Но почему бы вам и дальше не посотрудничать? Поверьте мне, вы окажете Земсковой важную услугу, – настаивал Николай Петрович.
- Почему бы и не встретиться? Меня от этого не убудет.
- Хорошо, – решила я. – Я вас выслушаю. Где мы встретимся?
- Вы не могли бы подъехать ко мне в офис? Проспект Космонавтов, восемьдесят восемь. Это недалеко от университета.
- Да, представляю. Минут через сорок должна быть, – сказала я и отключилась.

Натка все еще неодобрительно смотрела на меня. Но мне недолго пришлось убеждать ее в том, что если Разумович надумает предпринять против нее военные действия, то любая информация, даже из вражеских рук, пригодится. В конце концов согласившись с моими доводами, она позвала Виктора, который вышел из кухни, что-то дожевывая, и попросила его отвезти меня в центр.

Потом она достала три бумажки с портретом американского президента и протянула мне. Видя мою нерешительность, заявила:

– Бери, бери! Дружба дружбой, а денежкам счет. Ты же тратила на меня свое время, а оно дороже денег. После встречи с Самсоновым позвонишь, и мы решим, что дальше.

Виктору велела подождать меня и отвезти куда скажу.

* * *

Офис Николая Петровича располагался в старинном здании на одной из центральных улиц, где аренда одного квадратного метра стоила хороших денег. На входе стоял охранник, который потребовал у меня удостоверение, записал что-то в большую тетрадь и объяснил, куда идти. Приемная юриста была обставлена современной мебелью, но в секретаршах была не длинноногая блондинка, а приятная дама, что называется, без возраста, которая, услышав мою фамилию, кивнула и сообщила, что меня ждут.

Самсонов поднялся из-за стола и пригласил меня присесть в одно из кресел, стоявших вокруг стеклянного журнального столика. Журналов не было, но мгновенно появился вкусно пахнущий кофе в изящных чашках. И когда только «дама без возраста» успела его сварить?

– Вы пьете только натуральный кофе, – заявил Самсонов.

– Что еще вы обо мне знаете? – заинтересовалась я.

– Достаточно, чтобы понять, что противник вы серьезный.

– А мы противники? – удивилась я слегка наигранно.

– Надеюсь, что до этого не дойдет и мы договоримся, – юрист был настроен решительно.

Я сообщила, что тоже люблю договариваться, вместо того чтобы разворачивать боевые действия, но не вижу предмета переговоров, так как моя клиентка не настроена принимать предложение Разумовича.

На что тот возразил, что есть много способов заставить бизнесмена передумать. Я изучающе осмотрела моего собеседника с ног до головы. Да, зря я так легкомысленно согласилась на встречу, надо было сначала побольше разузнать про него. Взявшись за чашку с кофе, чтобы потянуть время, я стала лихорадочно вспоминать все, что о нем знала. И пришла к выводу, что знаю очень мало. Так, если то время, которое мы провели в фирме «Надежность», Николай Петрович потратил на то, чтобы узнать о моих способах работы и подготовиться к атаке, то мне нужно быть поосторожней и не говорить ни «да», ни «нет». Поэтому я не стала начинать разговор сама. Пусть атакует первым.

Самсонов так и сделал:

– Не скрою: то, что Наталья Владимировна пригласила детектива, меня озадачило. Она что-то узнала о наших планах или это просто школьная дружба?

– А вы действительно собирались применить методы, против которых может помочь только детектив? – отвечать вопросом на вопрос – моя любимая форма беседы.

– Повторю: предпочитаю договариваться.

– А от меня-то вы что хотите?

– В идеале я бы хотел, чтобы вы не занимались этим делом. Но, как я понимаю, это невозможно? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Самсонов.

– Когда меня нанимают, я честно отрабатываю свои деньги.

– Как раз это мне говорили все, кого бы я ни спрашивал. Поэтому в интересах вашего клиента вы просто обязаны уговорить ее продать нам бизнес. – Самсонов смотрел на меня змеиным взглядом. Гипнотизирует, что ли?

– Я узнала о ваших потрясающих способностях, когда вы защищали тарасовцев от «варягов». Сейчас обратная ситуация – вы помогаете пришлому капиталу? – Я постаралась вложить в эту фразу как можно больше сарказма. – Работаете по принципу «деньги не пахнут»?

– Деньги всегда деньги. И они не помешают ни вам, ни вашей клиентке.

Остальные полчаса прошли в подобной беседе: какие-то намеки, обещание больших денег, а в случае отказа – больших неприятностей. Мне это надоело, и я начала прощаться. Николай Петрович выразил сожаление, что мы не договорились, и пообещал, что я о них еще услышу.

Сев в машину к Виктору, я набрала Наткин номер и подробно пересказала, о чем шел разговор, добавив, что, по-видимому, не способна к бизнесу и совершенно не понимаю, зачем москвичам нужно обязательно откупать у нее клинику, почему, уж если так хочется, нельзя создать свою. Земскова объяснила, что операции, которые делаются у нее в клинике, дорогостоящие, не каждому по карману, поэтому пациентов не так уж много, двум таким клиникам в областном центре делать нечего. А поглощение малых предприятий – самое типичное явление современной экономики. На этом делают хорошие деньги. И по-видимому, придется задействовать старые связи, чтобы отбиться от захватчиков.

Узнав, что Алик так и не объявился, я посоветовала Натке звонить, если что-то случится, и дала команду Виктору везти меня домой. Вообще я не люблю сидеть справа от водителя – как-то надежнее, когда руль в собственных руках. Но, несмотря на молодость, Виктор вел машину очень уверенно, умело выбирал маршрут при малейшем намеке на пробку, поэтому до места мы добрались с минимальными затратами времени и нервов. При прощании он пригласил меня заходить за дисками и обещал дать послушать что-то особенное.

И вот я опять дома. Перед подъездом сосед копался в моторе своей машины. «И чего они все ломаются?» – подумала я и вспомнила, как что-то шевельнулось у меня «в мозжечке», когда я осматривала панораму города из Наткиного окна. Тогда я тоже заметила пытавшегося завести машину мужчину. А «мозжечку» своему я доверяю: если мелькнуло что-то подсознательно, нужно обязательно прислушаться – проверено на практике.

Дома, с полчаса поплескавшись в ванной, смывая пот трудов праведных, а потом, сварив кофе, уселась с чашкой в любимое кресло. Включила музыку и задумалась.

В такие дни приходится признаться,
Что как бы ни благоволил мой век,
Все меньше адресов, где я могу остаться,
Не заплатив за ужин и ночлег, —

пел Трофим, а я вслушивалась в слова и думала, что как бы там ни было, но уж Павла-то Логонова Алик должен был предупредить, что отложил рыбалку.

Ну, допустим, встретил он Марину в том же магазине... Под предлогом, что у нее сломалась машина или она без транспорта, а ей нужно доставить тяжелые сумки, женщина заманила его домой.

Если Алик донжуан, он мог предположить, что, пока друзья возятся с машиной, он успеет. Но все равно должен был позвонить, спросить, как дела и сколько у него времени. Если приключение очень понравилось, то должен был позвонить и сказать, чтобы ехали без него, а он будет попозже.

Если он не донжуан, а женщина заманила его к себе домой, и вдруг мужик вспомнил молодость – что называется, «седина в бороду, бес в ребро» – и решился на приключение, он должен позвонить, чтобы его не ждали.

Даже если роман стал внезапно и стремительно развиваться – телефон-то зачем отключать?

А кстати, когда телефон был выключен? Перов рассказал нам только про сигнализацию машины.

Я быстро разыскала телефон фирмы «Надежность». Но когда посмотрела на часы, подумала, что там, скорее всего, уже никого нет. Но потом вспомнила, что это фирма охранная, а значит, служба слежения за объектами должна быть круглосуточной и на телефоне кто-то должен быть обязательно. Так и оказалось. Просто вместо секретарши трубку взял то ли охранник, то ли дежурный. Перова, сказали мне, уже нет на месте. Но мне удалось объяснить, что дело очень срочное, я продиктовала свой телефон, на который зам вскоре перезвонил. Я поделилась своими размышлениями. Он согласился узнать, когда был отключен телефон, и скоро сообщил: «Да, что-то не то, давайте посмотрим вместе». Я сказала ему свой адрес, и, несмотря на вечернее время, через полчаса он был у меня.

Вновь разложили карты и графики, начали выписывать на листе бумаги:

19.18 – Александр Геннадьевич припарковал машину у магазина «Воленск».

19.34 – машина отъехала от магазина.

19.56 – спутниковый сигнал стабилизировался на улице Молодежной.

20.23 – сигнал переведен в экономный режим.

– А телефон отключен в девятнадцать сорок! – показал мне еще одну бумагу Владимир Сергеевич. – Что же получается? Он отъехал от магазина, через шесть минут остановился – это тоже видно на графике, – отключил телефон и через три минуты поехал дальше?

– И до сих пор ни на звонки не отвечает и никаким другим способом о себе не дал знать? – уточнила я.

– Нет, никаких известий не поступало, – ответил зам.

– Владимир Сергеевич, вы не один год знаете Мыльников. Мог он так загулять? – решила я выпытать у зама подноготную начальника.

Перов рассказал, что за то время, что он с ним работал, у Александра Геннадьевича было две страсти: работа и Наталья Владимировна. Вернее, Наталья Владимировна и работа. Жenu он на руках носил, все время повторял, что, если бы не она, он бы давно пропал. Перов и Мыльников не сильно делились подробностями личной жизни, ведь не друзья, не собутыльники, просто сослуживцы. Но все равно всегда видно, кто как к своей половинке относится. Редкие выходные, когда те у Натки и Алика совпадали, они вместе проводили. В отпуск зимой и летом на две недели ездили: то на лыжные курорты, то на море.

Бабник ведь обязательно своими победами хвастается, анекдоты соответствующие рассказывает. Мыльников на эту тему никогда не разговаривал. А вот о своей Натке говорить любил. Так что Перов сильно сомневался, что Алик у дамы. Скорее можно поверить, что запил. Алкоголизм ведь не лечится – просто человек делает выбор и никогда больше не берет в руки рюмку, как это было с Александром Геннадьевичем. Вот о своем пути к трезвой жизни он своему заму много рассказывал. И ни разу при нем в рот спиртного не взял – подчеркивал, что ему даже рот мочить нельзя.

– Но ведь для того, чтобы запить, нужна причина. Он закодирован? – спросила я.

– Нет. Это волевое решение, которое ему помог принять отец Никодим. Наталья Владимировна привезла Мыльникова к бабушке, когда были испробованы все мыслимые и немыслимые способы лечения. – Перов рассказывал об уже известном мне, но я не перебивала – вдруг узнаю что-нибудь новое.

Вокруг маленькой церквушки в опустевшем селе, где остались доживать свое лишь глубокие старики, образовалась своеобразная община бывших алкоголиков, среди которых было и несколько тех, кто еще не совсем расстался с пагубной привычкой. Они работали на заброшенных полях некогда сильного колхоза. Мыльников рассказывал Перову, что ехать не хотел, да и жить уже не хотел – ни во что не верил, ни к чему не стремился, кроме очередной рюмки. Но когда батюшка привел его в церковь, которую восстанавливали бывшие алкоголики, на него какое-то просветление нашло.

Стоя перед списком с иконы «Неупиваемая чаша», Мыльников вдруг понял, что если не сейчас, то никогда. Вообще-то в периоды ремиссии он осознавал, что превратился в алкоголика и «надо бы завязать», но чуть ли не подсознательно считал, что все это чепуха, и если захочет, то «завяжет» легко. И действительно, некоторое время не пил, но потом срывался, и все начиналось заново: запой, лечение, покаяние... Здесь же, перед изображением сурового старца, вслушиваясь в размеренную речь батюшки о грехах и страстях человеческих, Алик вдруг осознал, насколько никчемна была его жизнь, сколько горя он причинил и матери, и первой жене, а сейчас причиняет Натке, единственной женщине, ради которой стоит жить. А потом были дни, наполненные тяжелым физическим трудом (Алик работал на восстановлении храма). Были размышления о смысле жизни вообще и его собственной жизни конкретно – дом не построил, сына не вырастил, деревья в школьном возрасте сажал, но где они, те деревья? Были редкие беседы с отцом Никодимом, который не читал нравоучений, не контролировал строго поведение жителей общины – лишь в самой первой беседе он говорил о том, что каждый человек делает выбор самостоятельно, с божьей помощью он способен противостоять искушениям, важно лишь захотеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.